

Научная статья | Original paper

Дискриминационные установки и их ценностные предикторы у представителей разных поколений

М.В. Григорьева^{1,2} ✉, Р.М. Шамионов^{1,2}, В.К. Абуталипова¹

¹ Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация

² Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Российская Федерация

✉ grigoryevamv@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Межпоколенческие исследования дискриминационных установок и их ценностных предикторов способствуют решению психологических проблем, связанных с определенными убеждениями.

Цель. Сравнить дискриминационные установки и их ценностные предикторы представителей поколения молодежи и родителей.

Гипотеза. Дискриминационные установки молодежи менее выражены в сравнении с установками старшего поколения (поколения родителей).

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 263 человека. Представители младшего поколения $M = 20,55$ лет ($n = 170$, 97 женщин, 73 мужчин), старшего поколения — $M = 42,22$ ($n = 93$, 59 женщин, 38 мужчин). Для оценки силы дискриминационных установок были использованы вопросы, включающие среды дискриминации и аутгруппы. Для изучения выраженности индивидуальных ценностей применен ценностный опросник Ш. Шварца.

Результаты. Старшее поколение в большей степени склонно ограничивать активность, не принимать и испытывать предубеждение к представителям выделяющихся в социальном пространстве групп. У младшего поколения значимым положительным предиктором дискриминационных установок является ценность традиций, значимым отрицательным предиктором — ценность самостоятельности мысли; у старшего поколения значимым положительным предиктором дискриминационных установок является ценность власти как ресурса; значимыми отрицательными предикторами — ценность гедонизма и приверженность этнической группе.

Выводы. Ценностные и социально-демографические предикторы общей дискриминационной установки в младшем и старшем поколениях разные. Стремление к самостоятельности и критичности мышления молодого поколения способствует снижению силы предубеждений по отношению к окружающим. У старшего поколения значимо снижает общую дискриминационную установку ценность гедонизма. У представителей младшего поколения общую дискриминационную установку повышает ценность традиций.

Ключевые слова: дискриминационные установки, ценностные предикторы, молодежь, поколение родителей

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00529, <https://rscf.ru/project/24-28-00529/>.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/0af4417b-1bf7-448c-a800-8a7c79fa2bdf/full>.

Для цитирования: Григорьева, М.В., Шамионов, Р.М., Абуталипова, В.К. (2026). Дискриминационные установки и их ценностные предикторы у представителей разных поколений. *Социальная психология и общество*, 17(1), 60–76. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170104>

Discriminatory attitudes and their value predictors among representatives of different generations

M.V. Grigoryeva^{1,2} ✉, R.M. Shamionov^{1,2}, V.K. Abutalipova¹

¹ Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

² Saratov Military Order of the Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation

✉ grigoryevamv@mail.ru

Abstract

Context and Relevance. *Intergenerational studies of discriminatory attitudes and their value predictors contribute to the resolution of psychological problems associated with certain beliefs.*

Objective. *To compare discriminatory attitudes and their value predictors among representatives of the youth and parental generations.*

Hypothesis. *Discriminatory attitudes among youth are less pronounced than those of the older generation (parental generation).*

Methods and Materials. *The study involved 263 participants. Representatives of the younger generation (M = 20,55 years) (n = 170, 97 women, 73 men) and the older generation (M = 42,22 years) (n = 93, 59 women, 38 men) were included. To assess the strength of discriminatory attitudes, questions were used that included discriminatory environments and outgroups. The expression of individual values was assessed using the Schwartz Value Questionnaire.*

Results. *The older generation is more inclined to limit activity, reject, and experience prejudice toward members of socially prominent groups. Among the younger generation, the value of tradition is a significant positive predictor of discriminatory attitudes, while the value of independence of thought is a significant negative predictor. Among the older generation, the value of power as a resource is a significant positive predictor of discriminatory attitudes; the value of hedonism and commitment to an ethnic group are significant negative predictors.*

Conclusions. *The value and sociodemographic predictors of general discriminatory attitudes differ between the younger and older generations. The younger generation's desire for independence and critical thinking helps reduce the intensity of prejudice toward others. Among the older generation, the value of hedonism significantly reduces general discriminatory attitudes. Among the younger generation, the value of traditions increases general discriminatory attitudes.*

Keywords: *discriminatory attitudes, value predictors, youth, parents' generation*

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of scientific project No. 24-28-00529, <https://rscf.ru/project/24-28-00529/>.

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/0af4417b-1bf7-448c-a800-8a7c79fa2bdf/full>.

For citation: Grigoryeva, M.V., Shamionov, R.M., Abutalipova, V.K. (2026). Discriminatory attitudes and their value predictors among representatives of different generations. *Social Psychology and Society*, 17(1), 60–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170104>

Введение

Дискриминационные установки личности и группы имеют двоякую интерпретацию с точки зрения их вклада в развитие общества. С одной стороны, их критическая масса становится реальным фактором, тормозящим общественное развитие (в том числе и социально-экономическое, и социально-политическое). Это связано с тем, что гетерогенная система имеет больше шансов на развитие и позитивные изменения в целом. Эта позиция прослеживается и в работах У. Мак-Даугалла, и Ж. Пиаже, и А. Миракяна, и В.И. Панова, и многих других теоретиков в области психологии (Мак-Даугалл, 1912; Миракян, 2010; Панов, 2014; Пиаже, 1972). С другой стороны, имеется представление о том, что дискриминационные установки составляют важную часть современного общественного порядка в связи с наличием таких его феноменов, которые нацелены на сохранение его структурной единицы — группы, что говорит об их «полезной» функции для него (общества) (Котова, 2024).

Дискриминационная установка — это основанная на представлениях предрасположенность личности к поведению, направленному на ограничение активности и лишение определенных прав других людей, складывающаяся в процессе социализации и регулирующая поступки

человека и целостное отношение к представителям аутгрупп (Шамяонов, 2019). Следует признать, что дискриминационные установки связаны с теми границами, которые устанавливаются группами/личностями в отношении «своего» бытийного пространства. В определенной степени они столь же естественны, сколь и необходимы. Общественную опасность представляет установка как регулятор поведения, направленного на бытийное пространство Другого как носителя инаковости, поскольку может способствовать торможению своего развития, самореализации и тем самым внесению вклада в развитие общества.

Следует также отметить и то, что, несмотря на схожесть проблем с дискриминацией представителей различных социальных групп в разных обществах, исследователи отмечают наличие культурных различий (культурной специфики) их проявлений. Из проведенных ранее исследований следует, что гендерные, возрастные и классовые стереотипы в основном универсальны, а вот религиозные, этнические и расовые — культурно-специфичны (Fiske, 2017). Из этих исследований следует, что при анализе дискриминационных установок необходимо учитывать это ограничение.

Исследования ценностных факторов предубеждений, дискриминационных

установок, проведенные в последние десятилетия, свидетельствуют о наличии их специфики в зависимости от сфер дискриминации. Многочисленные исследования предрассудков и дискриминационных установок свидетельствуют в пользу того, что поддержка идеологических принципов авторитаризма правого толка и ориентации на социальное доминирование являются основаниями дискриминационных установок (Sibley, Duckitt, 2013; Григорьев, 2017).

Межпоколенческие исследования открывают перспективы для решения психологических проблем, связанных с определенными убеждениями, верованиями и установками, сложившимися под влиянием условий их социализации в определенный этап общественного развития. Б.Г. Ананьев, определяя стратегию исследования, предлагал рассматривать личность как современника определенной эпохи, представителя определенного поколения (Ананьев, 2001). Такой ракурс исследования позволяет установить обстоятельства формирования этих установок, убеждений и прочих диспозиций как регуляторов социального поведения личности. Кроме того, межпоколенческие исследования позволяют установить если не причины, то обстоятельства смены политических взглядов, предпочтений, моделей выбора (Van der Brug, Kritzinger, 2025), ценностные и смысловые ориентации (Пищик, 2019). Поэтому межпоколенческие исследования становятся основаниями для прогнозирования поведенческих тенденций, имеющих значение в социально-политической перспективе. Несмотря на сложившиеся к настоящему времени представления о поколениях, привязанных к определен-

ным историческим периодам (например, обозначенным ярлыками «миллениалы», «беби-бумеры» и пр.), что подвергается значительной критике и психологами, прежде всего из-за кросс-культурных различий и их привязки к культурным событиям в западных странах, и социологами (Rudolph et al., 2021), очевидно, поколения следует рассматривать сквозь призму социально-возрастной периодизации. Например, предлагается рассматривать межпоколенческие различия между людьми, чей возраст примерно отличается на 15-20 лет (Тычина, Рикель, 2024) или периодами когорт (Rudolph et al., 2021).

Представление о поколении как общности, находящейся в специфичных условиях бытия, включая экономические подъемы/спады, войны и исторический опыт, социальные изменения, предполагает учет условий его социализации и ее влияния на развитие личности, ее ментальности и содержания жизни (Пищик, 2021; Микляева, Постникова, 2019; Muhammad Ali Alferjany, Rosima Bte Alias, 2021). Между тем основными «выгодоприобретателями» от межпоколенческих исследований являются работодатели и в целом сфера профессиональной деятельности, поскольку вопрос о сходстве и различиях поколений связан с пониманием влияния возраста и старения на работе (Muhammad Ali Alferjany, Rosima Bte Alias, 2021). Неслучайно и стереотипы поколений работников, в том числе друг о друге, анализируются применительно к организациям (Arras-Djabi et al., 2023). Особенно это проявляется в возрастных предрассудках и дискриминации на рабочем месте (North, Fiske, 2012).

Критика межпоколенческих исследований связана по преимуществу с признанием того факта, что разные люди, живущие в одной историко-культурной реальности, могут по-разному реагировать на ее содержание и вовсе необязательно характеризуются единообразием в социально-психологическом облике (Пищик и др., 2023). Соглашаясь с этими утверждениями, мы склонны рассматривать поколения сквозь призму их «носительства» присущих определенному историческому периоду социокультурных характеристик — установок, убеждений, ценностей, наконец. Исходя из социологического взгляда, поколение может рассматриваться как социальная общность, включающая людей, близких по возрасту и характеризующихся общностью переживаний социально-политических, культурно-исторических событий. Поэтому межпоколенческий ракурс нами рассматривается сквозь призму восприятия реальности поколением «отцов и детей», а не с точки зрения ярлыков, приписанных рожденным в те или иные десятилетия.

Исследование дискриминационных установок и их ценностных предикторов в межпоколенческом ракурсе позволит установить как возрастные различия (сходство), так и наличие (отсутствие) их преемственности. Поэтому главный вопрос, стоящий перед исследователями в данном случае, — в какой мере проявляются сходство и отличия дискриминационных установок и их ценностных предикторов представителей поколения молодежи и поколения родителей.

Гипотезы исследования: 1. Дискриминационные установки молодежи менее выражены в сравнении с установками

старшего поколения (поколения родителей). 2. Универсальной ценностью, объясняющей вариации дискриминационных установок, является ценность благожелательность-забота и традиции; ценностным предиктором генерализованной дискриминационной установки младшего поколения является самостоятельность, старшего поколения — власть.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 263 человека в возрасте 18–45 лет. Из общей выборки выделены две крайние выборки по возрасту, относящиеся к поколениям (младшее и старшее). Абсолютная разница возраста составляет более 20 лет. Средний возраст представителей младшего поколения $M = 20,55$ лет ($n = 170$, 97 женщин, 73 мужчин), старшего поколения — $M = 42,22$ ($n = 93$, 59 женщин, 38 мужчин).

Для оценки силы дискриминационных установок были использованы вопросы, включающие среды дискриминации и аутгруппы: *Оцените, пожалуйста, в какой степени Вы испытываете неприятие и предубеждения к представителям перечисленных групп в разных обстоятельствах* (1 — не имею никакого неприятия и предубеждений, 5 — абсолютно не приемлю, испытываю крайнее неприятие и предубеждения); *Попробуйте оценить, в каких сферах больше всего Вам не хотелось бы видеть представителей группы, вызывающей у Вас неприятие?* Оцените по 5-балльной системе (1 — не имею никакого неприятия и предубеждений, 5 — абсолютно не приемлю) (Шамионов, Григорьева, 2020).

На основе ранее апробированного приема факторизации мишеней дискриминации (Шамионов, 2019) в текущем

исследовании выделены эмпирически проверенные четыре группы установок — предубеждения, испытываемые к: лицам с физическими недостатками, пенсионерам, детям и подросткам, жертвам преступлений и многодетным семьям (социально незащищенные группы); мигрантам, лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией, представителям иных этнических групп, иных религиозных групп (диссидентские группы); физически непривлекательным лицам, представителям различных субкультур, лицам с низкими доходами, лицам с психическими расстройствами, бездомным (социальные аутсайдеры); лицам другой социальной общности, уровня, статуса, более успешным, лицам с высокими доходами и политическим деятелям (социально-статусные группы).

Для изучения выраженности индивидуальных ценностей применен Портретный ценностный опросник Ш. Шварца (PVQ-R2) (Шварц и др., 2012), основанный на его уточненной теории базовых индивидуальных ценностей. Методика позволяет зафиксировать оценки значимости 19 базовых ценностей и включает 57 утверждений — портретных описаний (например, «Для него важно расширять свой кругозор»), степень сходства каждого из которых с собственными чертами респонденту предлагалось оценить по 6-балльной шкале (от «совсем не похож на меня» до «очень похож на меня»).

Для оценки социального доверия к источникам информации использовался общий вопрос: *Пожалуйста, попробуйте оценить, в какой степени Вы доверяете следующим источникам информации, по 7-балльной системе оценки, где 1 — не доверяю, 7 — доверяю полностью.*

Опрос респондентов проводился в режиме онлайн с использованием Google Forms, без контакта с интервьюером. Среднее время заполнения опросника составило 30 минут. Исследование было анонимным и добровольным.

В качестве статистических методов обработки данных использовались критерий t Стьюдента и пошаговый регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступил показатель общей дискриминационной установки, независимых переменных — показатели ценностей.

Диагностические материалы представлены в базе данных RusPsyData (Шамонов, Григорьева, Абуталипова, 2025).

Результаты

В табл. 1 представлены результаты сравнения выраженности дискриминационных установок младшего и старшего поколений.

Из табл. 1 видно, что общая дискриминационная установка значимо различается у представителей младшего и старшего поколений. Старшее поколение в большей степени склонно ограничивать активность, не принимать и испытывать предубеждение к представителям выделяющихся в социальном пространстве групп ($t = -2,06$ при $p = 0,041$ (см. табл. 1)). В большей степени это касается диссидентских (мигранты, лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией, представители иных этнических групп, иных религиозных групп) и социально-аутсайдерских групп (физически непривлекательные лица, представители различных субкультур, лица с низкими доходами, лица с психическими расстройствами, бездомные) ($t = -2,392$ при $p = 0,018$ и $-3,275$ при $p = 0,001$ соответственно (см. табл. 1)).

Таблица 1 / Table 1

**Дискриминационные установки представителей старшего ($n = 93$)
и младшего ($n = 170$) поколений**
**Discriminatory attitudes of representatives of the older ($n = 93$)
and younger ($n = 170$) generations**

Дискриминируемые группы / Discriminated groups	Младшее поколение / The younger generation	Старшее поколение / The older generation	t Стьюдента / Student's t	Уровень значимости / Level of significance	d Коэна / Cohen's d
	M (SD) Среднее значение (стандартное отклонение)	M (SD) Среднее значение (стандартное отклонение)			
Социально незащищенные / Socially vulnerable	1,52 (0,75)	1,63 (0,87)	-1,02	0,308	0,13
Диссидентские / Dissidents	1,77 (0,86)	2,02 (0,84)	-2,39	0,018	0,29
Социально-аутсайдерские / Social outsiders	1,74 (0,76)	2,08 (0,86)	-3,28	0,001	0,43
Социально-статусные / Social status	1,92 (0,86)	1,99 (0,99)	-0,65	0,515	0,08
Общая дискриминационная установка / General discriminatory attitude	1,74 (0,67)	1,93 (0,79)	-2,06	0,041	0,27

В табл. 2 представлены результаты регрессионного анализа. Из табл. 2 вид-

но, что значимые предикторы в двух группах разные.

Таблица 2 / Table 2

Ценностные предикторы общей дискриминационной установки представителей младшего ($n = 170$) и старшего ($n = 93$) поколений
Value predictors of the general discriminatory attitude of representatives of the older ($n = 93$) and younger ($n = 170$) generations

Параметры / Parameters	Нестандартизованные коэффициенты / Unstandardized coefficients		Стандартизованные коэффициенты / Standardized coefficients	t Стьюдента / Student's t	Уровень значимости / Level of significance
	B	Стандартная ошибка / Standard error	Бета / Beta		
Младшее поколение / The younger generation					
Константа / Constant	2,77	0,23		11,86	< 0,0001

Параметры / Parameters	Нестандартизованные коэффициенты / Unstandardized coefficients		Стандартизованные коэффициенты / Standardized coefficients	<i>t</i> Студента / Student's <i>t</i>	Уровень значимости / Level of significance
	<i>B</i>	Стандартная ошибка / Standard error	Бета / Beta		
Благожелательность-Забота / Benevolence-Care	-0,21	0,05	-0,37	-4,46	< 0,0001
Традиция / Tradition	0,15	0,04	0,25	3,56	< 0,0001
Самостоятельность мысли / Independence of thought	-0,14	0,05	-0,21	-2,65	0,01
Общие параметры модели / General parameters of the model	$R^2 = 0,25, F = 18,79, p < 0,001$				
Старшее поколение / The older generation					
Константа / Constant	3,62	0,43		8,46	< 0,0001
Приверженность этнической группе / Ethnic group loyalty	-0,39	0,12	-0,47	-3,09	< 0,0001
Благожелательность-Забота / Benevolence-Care	-0,23	0,08	-0,29	-2,89	0,01
Гедонизм / Hedonism	-0,26	0,08	-0,36	-3,31	0,001
Власть-Ресурсы / Power-Resources	0,17	0,07	0,22	2,28	0,03
Общие параметры модели / General parameters of the model	$R^2 = 0,30, F = 13,03, p < 0,001$				

Одинаковым значимым отрицательным предиктором дискриминационных установок у представителей младшего и старшего поколений является только ценность благожелательности и заботы по отношению к окружающим ($\beta = -0,373$ и $\beta = -0,288$ соответственно (см. табл. 2)). Остальные предикторы разные. У младшего поколения значимым положительным предиктором дискриминационных установок является ценность традиций ($\beta = 0,253$), значимым отрицательным предиктором — ценность

самостоятельности мысли ($\beta = -0,214$); у старшего поколения значимым положительным предиктором дискриминационных установок является ценность власти как ресурса ($\beta = 0,223$); значимыми отрицательными предикторами — ценность гедонизма ($\beta = -0,355$) и приверженность этнической группе ($\beta = -0,47$).

Обсуждение результатов

Более выраженные дискриминационные установки старшего поколения к представителям диссидентских групп

(табл. 1), возможно, объясняются накоплением негативного опыта взаимодействия с ними, когда количество контактов с представителями этих групп возрастает при одновременном анализе и акцентуации неблагоприятных тенденций такого рода взаимодействий. Так, например, плохое знание русского языка большинства мигрантов ведет за собой их групповую обособленность и слабую интеграцию в принимающий социум, как следствие, недостаточность освоения ценностей и норм принимающего сообщества и непонимание, как следует себя вести в той или иной ситуации, что может привести к социальным девиациям. В свою очередь, попытки взаимодействия принимающей стороны с мигрантами сопровождаются непониманием мотивов их действий и возрастанием этнотропных тенденций, что приводит к социальному напряжению и желанию уйти от ситуаций взаимодействия с ними. Результаты исследований других авторов подтверждают эти суждения, так, в других исследованиях было показано, что уважение к другим, сопереживание и коллективистская направленность личности способствуют этнической толерантности (Солянкина, 2022).

Рекреационные стремления иных этнических групп, связанные, скорее всего, с желанием сохранения национальной культуры, также способствуют некоторому социальному противостоянию и укреплению стереотипов национальных особенностей у представителей титульной нации, что ведет к непониманию и более выраженным дискриминационным тенденциям у старшего поколения. В последние несколько десятилетий общество пытается активно решить про-

блему напряженности межэтнических отношений. Воспитанное в обстановке мультикультурности и многонациональности младшее поколение относится более толерантно к представителям других этносов. Эти результаты сочетаются с результатами исследований других авторов, связывающих межэтнические взаимоотношения с общим уровнем благополучия и системным участием общества в формировании межэтнической толерантности (Щеголькова, 2022).

Дискриминационные установки по отношению к представителям других религиозных групп, возможно, связаны с желанием отстоять и укрепить свои религиозные взгляды, а также противостоянием навязыванию других мировоззренческих взглядов, которые воспринимаются как сектантские и отклоняющиеся от вероучения. В более старшем возрасте мировоззрение, в том числе и отношение к религии, более устойчивое, и попытки его изменить ведут к негативному эмоциональному фону и противодействию.

Отношение к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией у более старшего поколения (40–45 лет) в большей степени дискриминационно, чем у младшего поколения, поскольку социокультурная ситуация их взросления связана в большей степени с традиционными отношениями между полами, когда проблематика нетрадиционных сексуальных отношений широко не обсуждалась. Большинство представителей старшего поколения имеют семью и детей, возможно, в большей степени осознают негативное влияние нетрадиционных сексуальных отношений на воспроизведение человеческого рода, поэтому стремятся ограничить распространение

активности представителей нетрадиционных сексуальных групп в социуме.

Дискриминационные установки к представителям социально-аутсайдерских групп (физически непривлекательные лица, представители различных субкультур, лица с низкими доходами, лица с психическими расстройствами, бездомные) у более старшего поколения связаны, возможно, с неприятием личностной и социальной слабости у них на фоне укрепления своего социального статуса. К тому же перечисленные лица демонстрируют представителям старшего поколения негативные социальные явления, от которых они тоже не застрахованы, и которые они исправить в большинстве случаев не могут. Такого рода осознание в большей степени может быть характерно для представителей более старшего возраста, чем для молодежи. Предубеждение к аутсайдерским группам в старшем поколении связано с желанием избежать социальных контактов с ними и тем самым снизить собственное негативное эмоциональное напряжение.

Ценность благожелательности и заботы по отношению к окружающим у представителей и младшего, и старшего поколений значимо снижает общую дискриминационную установку (табл. 2). Благожелательность и забота об окружающих на уровне принципов и идеалов, руководящих поведением и действиями, обеспечивают уважительное и толерантное отношение к другим людям, в том числе отличающимся от большинства людей некоторыми особенностями, что способствует снижению силы предубеждений и ослаблению дискриминационных стремлений.

У младшего поколения снижает общую дискриминационную установку так-

же ценность самостоятельности мысли (табл. 2). Очевидно, стремление к самостоятельности и критичности мышления способствует расширению и усложнению картины мира, пониманию мотивов и последствий социальных действий других людей, что ведет к снижению силы предубеждений по отношению к ним.

У старшего поколения значимо снижает общую дискриминационную установку ценность гедонизма (табл. 2). Стремление к удовольствию и избегание негативных эмоций, возможно, заставляют представителей старшего поколения не замечать особенностей других социальных групп, не взаимодействовать с ними и тем самым не воспринимать проблему дискриминации как касающуюся собственной личности.

Приверженность этнической группе является значимым социально-демографическим предиктором общей дискриминационной установки у старшего поколения. Она снижает дискриминационные установки за счет усиления уверенности в социальной поддержке внутри своей этнической группы, принятия разнообразия контактирующих этносов, снижения социальной напряженности и в конечном счете реализации потребности быть принятым социальным окружением и субъективного благополучия.

У представителей младшего поколения общую дискриминационную установку повышает ценность традиций (табл. 2). Ориентация на сложившиеся традиции общества и ближайшего социального окружения создает условия противодействия тому, что плохо сочетается с этими традициями, не способствует стремлению понимать и принимать что-то другое. Нормы и ценности, отличные

от традиционных, в целом могут восприниматься молодежью как неправильные, бессмысленные, иногда враждебные. Это приводит к усилению дискриминационных установок и предубеждений.

У представителей старшего поколения общая дискриминационная установка усиливается при условии проявления ценности власти как ресурса (табл. 2). Возможно, старшее поколение в большей степени склонно анализировать общественно-политические процессы, чем молодежь, в силу их жизненного опыта и осознания влияния этих процессов на качество их жизни. Анализ власти как необходимости и ее ресурсов (экономических, социальных, культурно-информационных) приводит старшее поколение к тому, что социальное разнообразие в обществе и организация порядка при условии такого разнообразия связаны с повышением затрат ресурсов власти и снижением социальных благ для относительно благополучных слоев населения. Поэтому ограничение разнообразия и связанные с этим дискриминационные установки способствуют, по мнению некоторых представителей старшего поколения, улучшению стратификационной структуры общества и повышению их собственного благополучия.

Взаимосвязь ценностей и стереотипов, ведущих к дискриминационным установкам, отмечают и другие исследователи (Свердлова, Сюэ, 2025).

Заключение

Актуальность проблемы дискриминационных установок выводит на уровень необходимости постоянного мониторинга оснований дискриминационных установок, тех убеждений и ценностей,

которые способствуют генерализации дискриминационных установок, способствуют их социальной приемлемости и обращают их в неявные формы.

Проведенное сравнительное межпоколенное исследование позволило сформулировать следующие **выводы**.

1. Более выраженные дискриминационные установки старшего поколения к представителям диссидентских групп связаны в большинстве случаев с непониманием культурных особенностей и языковыми барьерами в общении с мигрантами; желанием этнических групп социального обособления в принимающем социуме; укреплением традиционных религиозных взглядов и стереотипизацией отношения к другим религиозным группам, осознанием негативного влияния нетрадиционных сексуальных отношений на воспроизведение человеческого рода. Более выраженные дискриминационные установки старшего поколения к представителям социально-аутсайдерских групп связаны в большинстве случаев с желанием избежать социальных контактов с ними и тем самым снизить собственное негативное эмоциональное напряжение.

2. Ценностные и социально-демографические предикторы общей дискриминационной установки в младшем и старшем поколениях разные. Одинаковым значимым предиктором является только ценность благожелательности и заботы по отношению к окружающим, снижающая общую дискриминационную установку у представителей и младшего, и старшего поколений за счет обеспечения уважительного и толерантного отношения к другим людям.

3. Стремление к самостоятельности и критичности мышления младшего поко-

ления способствует расширению и усложнению картины мира, пониманию мотивов и последствий социальных действий других людей, что ведет к снижению силы преубеждений по отношению к ним.

4. У старшего поколения значимо снижает общую дискриминационную установку ценность гедонизма, поскольку стремление к удовольствию и избегание негативных эмоций способствуют тому, что проблема дискриминации не воспринимается как касающаяся собственной личности.

5. У представителей младшего поколения общую дискриминационную установку повышает ценность традиций; у представителей старшего поколения — ценность власти как ресурса. В обоих случаях это связано со стремлением ограничить социальное разнообразие и ресурсы власти.

6. Значимым социально-демографическим предиктором общей дискриминационной установки у представителей старшего поколения является приверженность этнической группе за счет реализации потребности быть принятым социальным окружением и субъективным благополучия.

Обобщенный ценностно-установочный портрет старшего поколения можно представить следующим образом. Представители старшего поколения склонны дискриминировать представителей дисидентских и социально-аутсайдерских групп, дискриминационные установки у

старшего поколения усиливаются с признанием ценности власти, снижаются, если они стремятся к гедонизму, привержены своей этнической группе и благожелательны к окружающим. Обобщенный ценностно-установочный портрет младшего поколения выглядит следующим образом. Представители младшего поколения в меньшей степени склонны к дискриминационным установкам. Дискриминационные установки у них усиливаются, если они ценят традиции, и снижаются, если представители младшего поколения обладают самостоятельностью и критичностью мышления, относятся к окружающим благожелательно.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением нелинейных связей дискриминационных установок с ценностными факторами, расширением комплекса детерминант дискриминационных установок, включением в перечень факторов дискриминационных установок мировоззренческих убеждений, индивидуально-личностных качеств, социально-психологических установок и т.п.

Ограничения. Ограничения исследования и его выводов связаны с небольшим размером выборки и ее российской принадлежностью.

Limitations. Limitations of the study and its findings include the small sample size and its Russian origin.

Список источников / References

1. Ананьев, Б.Г. (2001). *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер.
Ananyev, B.G. (2001). *Man as an object of knowledge*. St. Petersburg: Piter.
2. Глотов, М.Б. (2004). Поколение как категория социологии. *Социологические исследования*, 10, 42–48.

- Glotov, M.B. (2004). Generation as a category of sociology. *Sociological studies*, 10, 42–48. (In Russ.).
3. Григорьев, Д.С. (2020). Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2), 215–244. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>
- Grigoriev, D.S. (2020). Model of Stereotype Content and Ethnic Stereotypes in Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23(2), 215–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>
4. Григорьев, Д.С. (2017). Разработка короткой версии шкал из методик Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир. *Национальный психологический журнал*, 4(28), 30–44. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>
- Grigoriev, D.S. (2017). Development of a short version of the scales from J. Duckett's methodology: right-wing authoritarianism, orientation toward social dominance, belief in a dangerous and competitive world. *National Psychological Journal*, 4(28), 30–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>
5. Котова, М.В. (2024). Трансформация предрасположенности в неявные формы как индикатор его функций в межгрупповых отношениях. *Социальная психология и общество*, 15(1), 57–75. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>
- Kotova, M.V. (2024). Transformation of prejudice into implicit forms as an indicator of its functions in intergroup relations. *Social Psychology and Society*, 15(1), 57–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>
6. Мак-Дуголл, В. (1916). *Основные проблемы социальной психологии* / Пер. с 4-го англ. изд. М.Н. Смирновой, под ред. Н.Д. Виноградова. М.: Космос.
- McDougall, W. (1916). *Fundamental Problems of Social Psychology* / Translated from the 4th English edition by M.N. Smirnova, edited by N.D. Vinogradov. Moscow: Kosmos. (In Russ.).
7. Микляева, А.В., Постникова, М.И. (2019). Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи. *Социальная психология и общество*, 10(2), 114–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209>
- Miklyaeva, A.V., Postnikova, M.I. (2019). Social and psychological structure of intergenerational relations of student youth. *Social Psychology and Society*, 10(2), 114–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209>
8. Миракян, А.И. (2010). Основания трансцендентальной психологии восприятия. В: *А.И. Миракян и современная психология восприятия. Сб. научных работ* (с. 61–89). М.: УРАО «Психологический институт».
- Mirakyan, A.I. (2010). Foundations of transcendental psychology of perception. In: *A.I. Mirakyan and modern psychology of perception. Collection of scientific works* (pp. 61–89). Moscow: Ural State Joint-Stock Company “Psychological Institute”. (In Russ.).
9. Панов, В.И. (2014). *Экопсихология: Парадигмальный поиск*. М.; СПб.: Психологический ин-т РАО; Нестор-История.
- Panov, V.I. (2014). *Ecopychology: Paradigmatic Search*. Moscow; St. Petersburg: Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Nestor-History. (In Russ.).
10. Пиаже, Ж. (1972). *Избранные психологические труды*. М.: Международная педагогическая академия.
- Piaget, J. (1972). *Selected psychological works*. Moscow: International Pedagogical Academy.

11. Пищик, В.И. (2021). Психологические характеристики «нового поколения»: гомогенность vs гетерогенность. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 18(1), 42–63. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-42-63>
Pishchik, V.I. (2021). Psychological Characteristics of the “New Generation”: Homogeneity vs Heterogeneity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(1), 42–63. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-42-63>
12. Пищик, В.И., Черноусова, Т.В., Постникова, М.И., Микляева, А.В., Сиврикова, Н.В. (2023). Жизнь современных поколений: социально-психологические тенденции. М.: Изд-во НИЦ ИНФРА-М.
Pishchik, V.I., Chernousova, T.V., Postnikova, M.I., Miklyaeva, A.V., Sivrikova, N.V. (2023). *Life of modern generations: socio-psychological trends*. Moscow: Publishing house of the Research Center INFRA-M. (In Russ.).
13. Пищик, В.И. (2019). Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи. *Социальная психология и общество*, 10(2), 67–81. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100206>
Pishchik, V.I. (2019). Value dimensions of generations through actualized fears. *Social Psychology and Society*, 10(2), 67–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100206>
14. Свердлова, Н.А., Сюэ, Б. (2025). Аксиологические основы этнических стереотипов (на примере китайского и русского языков). *Международный научно-исследовательский журнал*, 4(154). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.7>
Sverdlova, N.A., Xue, B. (2025). Axiological foundations of ethnic stereotypes (on the example of Chinese and Russian languages). *International Research Journal*, 4(154). (In Russ.). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.7>
15. Солянкина, Л.Е. (2022). Этническая толерантность как детерминант стабильного развития транзитивного общества. *Либерально-демократические ценности*, 6(4), 47–51.
Solyankina, L.E. (2022). Ethnic tolerance as a determinant of stable development of a transitional society. *Liberal Democratic Values*, 6(4), 47–51. (In Russ.).
16. Тычинина, М.И., Рикель, А.М. (2024). Методологический анализ понятия «поколение» в социальной психологии: классические, неклассические и постнеклассические теории поколений. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(4), 146–164. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-37>
Tychinina, M.I., Rikel, A.M. (2024). Methodological analysis of the concept of “generation” in social psychology: classical, non-classical, and post-non-classical theories of generations. *Theoretical and Experimental Psychology*, 17(4), 146–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/TEP-24-37>
17. Шамионов, Р.М. (2019). Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к Другим. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 16(3), 309–326. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326>
Shamionov, R.M. (2019). Individual values and ideological attitudes as predictors of prejudice towards others. *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 16(3), 309–326. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326>
18. Шамионов, Р.М., Григорьева, М.В. (2020). Методика измерения дискриминационных установок. В: *Страховские Чтения. Сб. научных работ* (с. 362–367). Саратов: Изд-во СГУ.

- Shamionov, R.M., Grigorieva, M.V. (2020). *Methodology for measuring discriminatory attitudes. In: Strakhovskie Readings. Collection of scientific papers* (pp. 362–367). Saratov: Saratov State University Press. (In Russ.).
19. Шамионов, Р.М., Григорьева, М.В., Абуталипова, В.К. (2025). Дискриминационные установки и их ценностные предикторы: Набор данных. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. Москва. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/kgx6-hnr9-kx9m>
Shamionov, R.M., Grigoryeva, M.V., Abutalipova, V.K. (2025). Discriminatory attitudes and their value predictors: A data set. RusPsyData: Repository of psychological research and instruments. Moscow. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/kgx6-hnr9-kx9m>
20. Шварц, Ш., Бутенко, Т.П., Седова, Д.С., Липатова, А.С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 43–70.
Schwartz, Sh., Butenko, T.P., Sedova, D.S., Lipatova, A.S. (2012). A refined theory of basic individual values: application in Russia. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 43–70. (In Russ.).
21. Щеголькова, Е.Ю. (2022). Межэтнические установки сквозь призму субъективных характеристик социального самочувствия. *Социологическая наука и социальная практика*, 10(4), 132–156. <http://dx.doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9286>. EDN NXCKDB.
Shchegolkova, E.Yu. (2022). Interethnic attitudes through the prism of subjective characteristics of social well-being. *Sociological Science and Social Practice*, 10(4), 132–156. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9286>. EDN NXCKDB.
22. Arras-Djabi, M., Cottard, L., Shimada, S. (2023). Understanding the stereotypes of Millennials in the workplace. *European management revue*, 21(1), 45–65. <https://doi.org/10.1111/emre.12559>
23. Fiske, S.T. (2017). Prejudices in Cultural Contexts: Shared Stereotypes (Gender, Age) Versus Variable Stereotypes (Race, Ethnicity, Religion). *Perspect Psychol Sci*, 12(5), 791–799. doi:10.1177/1745691617708204. PMID: 28972839; PMCID: PMC5657003.
24. Muhammad Ali Alferjany, Rosima Bte Alias (2021). Generational Differences in values and attitudes within workplace. *Psychology and Education Journal*, 57(9), 1496–1503.
25. North, M.S., Fiske, S.T. (2012). An inconvenienced youth? Ageism and its potential intergenerational roots. *Psychol Bull*, 138(5), 982–997. doi:10.1037/a0027843. Epub 2012 Mar 26. PMID: 22448913; PMCID: PMC3838706.
26. Rudolph, C.W., Rauvola, R.S., Costanza, D.P., Zacher, H. (2021). Generations and Generational Differences: Debunking Myths in Organizational Science and Practice and Paving New Paths Forward. *J Bus Psychol*, 36(6), 945–967. doi:10.1007/s10869-020-09715-2. Epub 2020 Sep 4. PMID: 32901173; PMCID: PMC7471586.
27. Sibley, C.G., Duckitt, J. (2013). The dual process model of ideology and prejudice: a longitudinal test during a global recession. *The Journal of Social Psychology*, 153(4), 448–466. doi:10.1080/00224545.2012.757544
28. Smolbik-Jęczmień Alicja, Pale-Tondel Patrycja. (2022). Do representatives of different generations identify with their stereotypical characteristics? *Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej. Organizacja i Zarządzanie, Wydawnictwo Politechniki Śląskiej*, 164, 465–475. DOI:10.29119/1641-3466.2022.164.35
29. Van der Brug, W., Kritzinger, S. (2025). Generations and political change. *West European Politics*, 48(4), 846–856. <https://doi.org/10.1080/01402382.2025.2449794>

Григорьева М.В., Шамионов Р.М.,
Абуталипова В.К. (2026)
Дискриминационные установки...
Социальная психология и общество,
17(1), 60–76.

Grigoryeva M.V., Shamionov R.M.,
Abutalipova V.K. (2026)
Discriminatory attitudes and their value predictors...
Social Psychology and Society,
17(1), 60–76.

Информация об авторах

Марина Владимировна Григорьева, доктор психологических наук, заведующий кафедрой педагогической психологии и психодиагностики, Педагогический институт, факультет психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского); Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации (СВКИ войск национальной гвардии), Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Раиль Мунирович Шамионов, доктор психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Педагогический институт, факультет психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского); Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации (СВКИ войск национальной гвардии), Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Венера Камилевна Абуталипова, младший научный сотрудник кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского), Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2023-3324>, e-mail: ganeevav@yahoo.com

Information about the authors

Marina V. Grigorieva, Doctor of Sciences (Psychology), Head of the Department of Educational Psychology and Psychodiagnostics, Pedagogical Institute, Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky; Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Rail M. Shamionov, Doctor of Sciences (Psychology), Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Pedagogical Institute, Faculty of Psychological, Pedagogical, and Special Education, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky; Saratov Military Order of Zhukov, Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Venera K. Abutalipova, Jr. Researcher at the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2023-3324>, e-mail: ganeevav@yahoo.com

Вклад авторов

Григорьева М.В. — аннотирование, написание и оформление рукописи, визуализация результатов исследования.

Шамионов Р.М. — идеи исследования, применение статистических, математических методов для анализа данных, визуализация результатов исследования.

Абуталипова В.К. — сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Marina V. Grigorieva – wrote and formatted the manuscript, annotated the article, and visualized the study results.

Rail M. Shamionov – conceived the study, applied statistical and mathematical methods to analyze the data, and visualized the study results.

Venera K. Abutalipova – collected and analyzed the data.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Экспертной комиссией ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (№ 1269 от 07.10.2025 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Expert Commission of Saratov State University (report no. 1269, October 7, 2025).

Поступила в редакцию 09.10.2025

Received 2025.10.09

Поступила после рецензирования 25.01.2026

Revised 2026.01.25

Принята к публикации 17.03.2026

Accepted 2026.03.17

Опубликована 30.03.2026

Published 2026.03.30